

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Сборники произведений
Виктории Токаревой
в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать — не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди
Дом за поселком
Жена поэта
Остановись, мгновенье...
Ничем не интересуюсь, но всё знаю

Виктория Токарева

Ничем не интересуюсь,
но всё знаю

Рассказы

Санкт-Петербург

Карантин

Откуда ни возьмись, пришла эпидемия. Коронавирус. Появилось новое слово: «Пандемия».

Я не испугалась, потому что этот вирус где-то вне меня, как война в Сирии. Однако в телевизоре стали показывать больницу в Коммунарке и врачей, одетых как космонавты.

Коммунарка находится неподалеку от дачного поселка, в котором я живу-поживаю. От моего дома до больницы минут пятнадцать на машине. Если что — знаем, куда ехать. Однако не хочется перемещаться из уютного рая в дом скорби.

В Коммунарке уже обитает певец Лещенко с женой. Наверняка ему создали особые условия пребывания. Мне не создадут. Меня никто не знает в лицо.

Заболел известный кинооператор Валерий Шувалов. Его тоже никто не знает в лицо. Операторов не знают, они по другую сторону камеры.

Валерий позвонил своей подруге режиссеру Алле Суриковой и попросил: «Вытащи меня отсюда. Здесь плохо. Ко мне никто не подходит. Я умираю».

Алла, верный человек, тут же позвонила главврачу больницы. Представилась, попросила создать условия для Шувалова — он не такой, как все. Он талантливый, знаменитый.

Врач выслушал и сказал: «Перед смертью все равны».

Валерия все же куда-то перевели, но поздно. Он умер.

По телевизору сообщают количество заболевших и умерших. Счет идет на тысячи.

Приходит на память эпидемия гриппа испанка, унесшего Веру Холодную — звезду немого кино. Вертинский по этому поводу написал романс: «Ваши пальцы пахнут ладаном, а в ресницах спит печаль. Никого теперь не надо вам, никого теперь не жаль».

Замечательные слова. В чем содержание жизни: кто-то очень нужен и кого-то очень жаль. А смерть зачеркивает всякую привязанность и сочувствие.

В моем поселке никто не заболел, но я на всякий случай не выхожу за калитку. Сижу за забором. Иногда ближе к ночи выползаю на прогулку. Горят фонари. Пусто, как на луне. Красиво и таинственно. Оживают вампиры и тихо следят из-за деревьев. Выжидают.

Вдоль дороги заборы, скрывающие неслабые особняки, как в Голливуде.

Поселок утопает в деревьях. Преобладают ели, нагоняя мрак. Красиво. Сколько раз уже было так: луна, природа, красота, — пора привыкнуть и не замечать. Но глаз не замылился. Я каждый раз поражаюсь: велики дела Твои, Господи...

Карантин. Мэр Москвы запрещает выходить из дома.

У меня есть двадцать соток личного пространства. А как же выходят из положения те, у кого нет дачи?

Ко мне приехал родственник. Его цель: поменять зимние колеса на летние. Он держит колеса в моем гараже. Родственник ко мне не подходит, мы соблюдаем дистанцию. Приходится кричать. Я кричу:

— Как дела?!

— Лучше Коммунарка! — кричит он.

У моего родственника двое маленьких детей, жена и собака. Дети визжат, собака лает, жена лезет на стену. Жить в вакууме квартиры — испытание.

Я не чувствую вакуума. У меня достаточно личного пространства, но я испытываю недостаток общения. Оказывается, общение с себе подобными необходимо. Поэтому принято посещать больных. Происходит обмен энергиями. Это что-то вроде сквознячка, свежего воздуха. Необходимо проветривать помещение своей души.

Остается общение по телефону. У меня есть родня и две близкие подруги. Плюс вся страна.

Звонят даже из Америки. Благодарят. Я говорю «спасибо» и замолкаю. Я не знаю, что можно еще сказать незнакомому человеку.

Моя любимая дочь устает от моих телефонных посещений. Я это чувствую. Молодые и старые живут на разных скоростях. Ее тянет вперед, а я — тормоз. Мне кажется, что я все еще молодая, красивая и прогрессивная. Но я ошибаюсь. Я родилась в первой половине прошлого века. С тех пор мир изменился. Пришел интернет и все перевернул.

Изменилась мораль. То, что раньше считалось позором, а именно потеря девственности до свадьбы, сейчас называется «гражданский брак». Это нормально. Выросли, как грибы, гомосексуалисты. Раньше, даже при моей жизни, их сажали в тюрьму (Параджанов, например), а теперь это вошло в моду.

Много чего изменилось, не всегда в лучшую сторону. Бесплатная медицина стала плат-

ной, бесплатное обучение стало платным. Лечение и обучение превратились в проблему. Зато упал железный занавес. Мир стал открытым. И выяснилось, что Запад не так лучезарен, как казалось раньше из-за железного занавеса.

Мои подруги — мои ровесницы. Мы дружим всю жизнь. Раньше у меня к ним была куча претензий. Мы выяснялись и ругались. Сейчас — ни одной. Только бы жили, только бы журчал в трубке их драгоценный голос. Они — мой спасательный круг, который держит меня на поверхности океана. А рядом тонет «Титаник» — некогда роскошный в огнях. «Титаник» — это и есть наша жизнь, прежде яркая, непотопляемая в страстях.

Иногда в трубке раздаются мужские голоса. Осколки прежнего сервиза.

Однажды позвонил незнакомый человек. Представился, намекнул на сватовство. Он вдовец, генерал и мой поклонник с давних времен. Единственное неудобство: у генерала рак поджелудочной железы, но он к нему привык. Зато у него генеральская пенсия.

Я сказала: «Надо подумать», и вежливо попрощалась. Зачем хамить генералу?

У меня поменялись вкусы. Раньше мне нравились мужчины интеллектуальные, высоко-

лобье, желательно лауреаты Нобелевской премии, в крайнем случае, народные артисты. Возраст не имел значения.

Сейчас я с удовольствием слушаю группу «Лесоповал». Меня завораживает солист в блатной кепочке.

В моей жизни никогда не было таких персонажей. Другой круг общения. Не туда смотрела.

Возвращаясь с прогулки, я спрашиваю свою помощницу: «Мне звонили?» Она отвечает: «Никто вам не звонил, никому вы не нужны». Хорошее название для книги: «Никому вы не нужны», типа «Полковнику никто не пишет».

Полковнику не пишут, мне не звонят. Почему? Потому что не нужны.

Не нужны — и не надо. Раньше хотелось жить интересно. А сейчас хочется жить долго. Долголетие — это тоже победа.

Все удовольствия приносит тело: еда, секс, впечатления. На тот свет уходят без тела, значит, и без удовольствий. Что остается? Верующие говорят: душа. А что такое душа?

Главное не знать, а верить. Вера выше знания. Иначе зачем Богу было создавать такую сложную машину, как человек? Зачем протягивать его через года, через испытания, через любовь? Чтобы потом скинуть с дерева жизни и затоптать? А куда деваются наши слезы, наше счастье, наш каждодневный труд?

Чем можно занять себя на карантине? Книги.

Чтение — это пассивное творчество. Но не всякое чтение. Есть книги, которые я читаю по восемь раз, и не надоедают. А есть писатели-классики, которых я не читала, и не тянет.

Лев Николаевич многословен, даже болтлив. У него встречаются предложения в семнадцать строчек. Бунин прочитал Анну Каренину и сказал: «Я бы ее переписал».

Лев Николаевич в восемьдесят лет рванул из дома. Почему?

Варианты: устал от жены. Они все время ругались. У Толстого толпа детей. Всех надо обеспечить. А Лев Николаевич под влиянием проходимца Черткова все свое литературное наследство завещал народу. На месте Софьи Андреевны я бы тоже взбесилась.

Второй вариант: поехали мозги. Но не похоже. Свою прекрасную повесть «Хаджи-Мурат» Толстой написал в семьдесят лет. Он всю жизнь работал, тренировал мозги. Они не могли отказать.

Третий вариант: судьба. Такова была судьба: умереть на станции Остапово, прожив долгую жизнь. Тогда восемьдесят лет — большой срок. Сейчас — среднестатистический.

Впереди маячит эра ремонта. Научатся выращивать запасные органы — и человека начнут ремонтировать, как машины на стан-

ции техобслуживания. Заменять старые, изношенные части на новые.

Это, конечно, из области фантастики. Но и самолет когда-то был фантастикой (ковер-самолет), а теперь это средство передвижения. И страшно представить себе, что когда-то передвигались на лошадях.

Однажды моя внучка-школьница приехала ко мне на выходные. Ей задали внеклассное чтение. Надо было прочитать «Муму» Тургенева и «Кавказский пленник» Толстого.

Моя внучка ленилась читать и требовала, чтобы я прочитала сама, а потом пересказала ей близко к тексту. Я не смела ей противостоять, хотя это неправильно. Я вообще не умею воспитывать детей, проявлять строгость. Идти на поводу легче, чем противостоять.

Я стала читать «Муму». Довольно скучное произведение, как и весь Тургенев, но оно отражало быт и нравы того времени.

Моя внучка должна была написать отзыв о прочитанном. Она написала так: «Герасим был очень приятная особа».

Я сказала:

— Приятная особа — это дама из высшего общества, фрейлина при дворе. А двухметровый глухой, мычащий мужик — это совсем другое и требует другой характеристики.

— Какой?

— Сначала я за тебя читала, а теперь должна за тебя писать.

— Ладно, — согласилась внучка. — Я не буду писать.

— А как же задание? — встревожилась я.

— Дурак этот Герасим. Пошел и утопил любимого щенка. Я бы на его месте забрала собачку и ушла от барыни. Щенок лучше барыни. Почему нужно подчиняться плохому человеку?

— Тогда было другое время, — объяснила я. — Крепостное право.

Дальше настала очередь «Кавказского пленника». Герои рассказа Жилин и Костылин были взяты в плен и сидели в одной яме. Что значит сидеть в яме? Пленные там ели, спали и ходили в туалет. Скотское существование. Но они не утратили уважения и обращались один к другому на «вы».

От рассказа веяло гениальностью. Что такое гениальность? Это особая энергия, которая завораживает и подчиняет.

Гениальность требует служения, поэтому Лев Николаевич писал всю жизнь и создал несметное количество страниц. Ему было не трудно. Душа не могла насытиться. Так мать обслуживает своего родившегося ребенка.

Я достала девятый том Чехова.

Чехов беспристрастен. Он на стороне природы, а природе все равно, что происходит, —

убийство или зачатие. Пусть каждый сам выбирает, чем ему заняться — первым или вторым.

В юности Чехов — мой Бог. Но возраст меняет сознание. То, что раньше потрясло, кажется наивным.

Я начинаю читать повесть «Рассказ неизвестного человека». Улетаю в пространство рассказа. Все так же, как и прежде, Чехов по-прежнему мой Бог.

На моей прикроватной тумбочке лежат очки и второй том Сергея Довлатова. В этом томе мои любимые сочинения: «Зона», «Заповедник», «Наши».

Сергей Довлатов умер в сорок девять лет. Чехов — в сорок четыре.

У Антона Павловича была наследственная чахотка, которая передавалась по мужской линии. Брат Ванечка умер в тридцать лет. Сестра Мария Павловна жила чуть ли не до ста.

Сергей Довлатов умер в машине скорой помощи. Санитары-мексиканцы понятия не имели, кто перед ними. Его привезли в больницу, но больница не приняла из-за отсутствия страховки. Пришлось везти в другую. Не довезли.

Как это жестоко и цинично: неужели деньги важнее целой жизни, и какой жизни?..

Довлатов не дожил до пятидесяти, потерял свою старость. А старость тоже нужна — под-

ведение итогов. Но все же самое основное — четыре тома прозы — Довлатов успел написать.

Какой-то серьезный критик сравнил Довлатова с Достоевским. Это высокая оценка. Можно сказать, высшая.

Хочется вернуться к Чехову. Ранний Чехов писал под псевдонимом Чехонте. Этот период для Чехова как гаммы для начинающего пианиста. Пианист разрабатывает руку, набирается мастерства.

У писателя тоже свои гаммы. Чехов не мог сесть и сразу написать «Даму с собачкой». Потребовалось пять томов Чехонте.

Я недавно чистила шкафы, выгребла свои ранние рассказы. Набралась спортивная сумка. Читать невозможно. Из этих ранних строчек не проглядывался будущий писатель. Так, кое-где. Например, фраза «цыпленок с длинной, дряблой шеей был похож на спившегося орла»...

Чехонте стал Чеховым после того, как у него началось кровохарканье. Близкая смерть обостряет все, что заложено в человеке. Как писал Высоцкий: «Растет больное все быстрее...»

Ялтинский период Чехова — это его вершина. Невозможно себе представить, что автор ранних юморесок и автор повести «Мужики» один и тот же человек.

Пьесы Чехова — влияние Ольги Книппер. Она была актриса. Заинтересована в репертуаре театра.

Книппер жила долго, как черепаха. Она умерла в 1959 году. Мне тогда было двадцать лет. Мы могли бы пересечься при определенных обстоятельствах. Я приехала бы в Ялту и посетила бы чеховский дом, в котором проживали Мария Павловна и Ольга Леонардовна — сестра и жена Антона Павловича.

Чехов долго не женился. Длительный роман был у него с Ликой Мезиновой. Она была красивая и обожала Антона Павловича. Он любил, но предложение не делал, тянул kota за хвост. Лике надоело, и она сошлась с Игнатием Потапенко, тоже писателем. Писал много, но плохо. Они творили в одно время, но Чехов — классик, а Потапенко никто не помнит.

Этот любовный треугольник Чехов отразил в «Чайке». Лика — Нина Заречная. Потапенко — Тригорин. Однако Тригорин в пьесе — хороший писатель, а Потапенко — плохой. Деньги зарабатывал. Деньги были нужны. Жил на две семьи.

Судьба Лики не сложилась. Чехов от Лики отошел, Потапенко не женился. Бедная Лика села между двух стульев. В конце концов она вышла замуж за режиссера Санина и уехала во Францию. Умерла в Париже. Похоронена на